

В первые секунды после того, как Ланс сорвался с цепи, у всех в голове образовался абсолютный вакуум.

Но сыгранность, отточенная за десятки прошлых выступлений, дала о себе знать: музыканты опомнились первыми.

Тео, секунду назад висевший на своей бас-гитаре с полусонным видом, так и подпрыгнул на месте, издав дикий восторженный вопль. Этот мелкий засранец принадлежал к той породе людей, которые вянут без хорошей заварушки.

Болдуин ухмыльнулся. Вскинув барабанные палочки к небу, он с сокрушительной силой обрушил их на пластик. Грянул яростный, пулемётный ритм: бам-бам-бам! Плотная, безумная дробь мгновенно слилась с воем гитары, а следом в дело вступил низкий, рокочущий бас.

Джеймс до боли сжал микрофон. Внутри проснулось что-то яростное, первобытное, неодолимо потянувшее его в самый центр сцены. У него был поразительный голос — тот самый, что когда-то покорила Ланса на прослушивании. Чистый, пронзительный, летящий, он взмывал ввысь подобно беркуту, рассекающему облака, а затем кружил над головами слушателей, заставляя вибрировать сам воздух.

Мир вокруг словно замер.

Какое-то мгновение толпа просто ошеломлённо пялилась на сумасшедших парней, не в силах вымолвить ни слова.

Когда оцепенение спало, старшее поколение лишь растерянно переглядывалось. Привыкшие к чинному, усыпляющему фоновому брэнчанию, они решительно не понимали этого оглушительного грохота, бешеного темпа и надрывных воплей. Зато у местной молодёжи загорелись глаза.

Подростки потянулись к сцене. Словно мелкие ручейки, сливающиеся в бурный поток, они хлынули вперёд, плотной стеной облепив деревянный помост, и уставились на музыкантов с восторженным благоговением.

Впрочем, музыкантам было плевать на реакцию толпы. Ни один из них ни разу не взглянул на слушателей. Сейчас они хотели лишь одного — выплеснуть всё, что накопилось. Они играли так, будто снова заперлись в своём тесном, пыльном, богом забытом гараже, где не нужно оглядываться на чужое мнение, а можно просто раствориться в звуке, отдаваясь ему без остатка.

Но именно это безразличие и приковывало к ним взгляды. В их безумном драйве сквозило нечто ослепительное, бьющее наотмашь по натянутым нервам — чистейшая, первозданная упрямая ярость, отчаянная надежда и отвага. Они походили на старика Хемингуэя, в одиночку сражающегося с акулами в открытом море: израненные, но абсолютно несокрушимые.

— Я в жизни не видел ничего подобного, — вспоминал позже один из пожилых джентльменов.
— Эти мальчишки вышли на сцену не петь. Они вышли драться. Они объявили войну нам — толпе, которая не понимает истинного искусства.

И он попал в самую точку. К тому моменту парни из рок-группы «Планета» были взвинчены до предела. Злость копилась в них неделями.

Ланс искренне недоумевал, какими же дебилами надо быть, чтобы воротить нос от их музыки. Да, они ещё не достигли идеала, но любой, у кого есть хоть капля слуха, должен был признать: они чертовски хороши!

Болдуин исходил желчью. Ещё недавно он стоял на пороге крупного контракта, но прежний придурок-вокалист умудрился сторчатся до смерти — классический пример того, как глупость губит талант. С тех пор всё пошло наперекосяк. Пока другие знакомые ударники вовсю штурмовали хит-парады, он торчал в новой группе, которая никак не могла выбраться из выгребной ямы. Обида душила его.

Тео унывал не меньше. Он-то шёл в рокеры ради девчонок и дешёвых понтов, а реальность оказалась серой и нудной. Никакой романтики, сплошная пахота до седьмого пота — хоть садись и плачь.

Джеймса тошнило от слащавой песни «Лишь бы быть счастливым и радостным». Какое там счастье? Каждый божий день он утопал в сомнениях.

«Есть ли у меня хоть капля таланта? — думал он. — Или этот Мускулистый ангел просто поиздевался? Может, послать всё к чертям, уйти из группы да крутить гайки в автомастерской?»

Копившееся внутри раздражение требовало выхода. И вот, сокрушительная, ядерная смесь из обиды и подросткового максимализма рванула прямо на сцене. Это была чистой воды анархия, триумф накипевших эмоций.

Джеймс и Ланс стояли плечом к плечу у самого края сцены. Под дикий рев инструментов они, не сговариваясь, выкинули средние пальцы в толпу. Они яростно колотили каблуками по хлипкому деревянному настилу, отбивая такт, и подмостки ходили ходуном, грозя вот-вот развалиться.

Позади них безумствовал Болдуин — его палочки слились в сплошное размытое пятно, выбивая громоподобный ритм. Пальцы Тео летали по грифу баса с невиданной прежде лёгкостью. Их было всего четверо, но грохотали они так, словно на сцену выкатился танковый взвод.

К концу выступления Джеймс уже не пел — он исступлённо кричал в микрофон. Ланс остервенело рвал струны своей «Джины», а Болдуин с Тео буквально костями ложились, забивая плотным грохотом любые огрехи в ритме.

Рассыпанная по площади толпа местных подростков стянулась к сцене. Плевая на недовольные окрики и хмурые взгляды родителей, они прыгали, орали и вскидывали вверх сжатые кулаки. У «Планеты» наконец-то появились преданные фанаты. И это было чертовски крутое чувство.

Объективно, это не было лучшим выступлением в их жизни. Им не хватало опыта, мастерства и сыгранности, а движения на сцене грешили неуклюжестью. Но в том, что они делали, не было ни капли фальши — только чистая, концентрированная искренность.

Единственное «но» — концовка получилась смазанной.

Прямо посреди финального аккорда какой-то седовласый старик охнул, схватился за сердце и рухнул на траву. С высоты сцены это выглядело как нелепый кадр из артхаусного кино: толпа закричала, началась паника, люди бросились к упавшему. Про концерт все мгновенно забыли.

Джеймс, доселе бывший законопослушным малым, впал в ступор. Смертный ужас сковал его изнутри.

— Твою мать... Что случилось? — запричитал он. — Мы... мы его убили? Нас посадят за непредумышленное?

— Какое убийство, придурок?! — огрызнулся Ланс, хотя сам побледнел как полотно.

— Да ладно вам, мы-то тут при чём? Не мы же ему клапан перекрыли, — попытался выжать долю здорового пофигизма Болдуин, но голос его ощутимо дрогнул.

— Но приступ-то случился из-за нашего грохота! — запаниковал Тео.

— Значит, мы его угробили?

— Заткнись, Джимми! Нет!

— Нас копы загребут? В тюрьму закроют? Надо срочно бежать в библиотеку, копаться в законах... Чёрт, а если на адвоката денег не хватит?

— Да заткнись ты, Ланс! Не нагнетай!

— Слушайте, а если полиция приедет, так и сказать: заиграли деда до смерти? Звучит, конечно, паршиво, но чертовски брутально...

— Заткнись, Тео! Ни хрена это не брутально, и твои дебильные шутки сейчас вообще не к месту!

— Болдуин, а может, тебе лучше постричься?

— Чего?!

— Ну, я слышал, в тюрьмке длинноволосых за девок держат. Ну, там... мыло в душе, все дела.

— Да заткнитесь вы все! — взвизгнул Болдуин, готовый придушить малолетних паникёров. — Ни в какую тюрьму мы не сядем! Мы тут ни при чём! И если я уроню чёртово мыло, я его хрен подниму! Закройте пасти! Живо! Рты закрыли, кому сказал!

Болдуин чувствовал, что ещё немного — и эти сосунки доведут его до инфаркта. Но статус самого старшего обязывал держать лицо и сохранять олимпийское спокойствие, пусть даже внутри у него самого всё сжималось от страха.

И всё же им было чертовски паршиво. Души необстрелянных пацанов отравляло липкое, удушливое чувство вины перед всем миром.

Облегчение пришло только на следующий день, когда из больницы передали: дед выкарабкался, кризис миновал. Но осадок остался. Ощущение полного краха и проваленного концерта давило могильной плитой.

Парни собрались на съёмной квартире Болдуина. Они валялись на ковре вповалку, напоминая кучи строительного мусора. Комната утопала в сигаретном дыму. Никто не притрагивался к остывшему чаю, даже пачка чипсов так и осталась нераспечатанной. Апатия и уныние достигли пика.

Внезапно в дверь постучали. На пороге стоял мужчина среднего возраста — сын того самого едва не преставившегося старика. Лицо его так и сияло. Ввалившись в комнату, он принялся возбуждённо жестикулировать:

— Ребята, это просто невероятно! Мой старик в полном восторге от вашей музыки! Он прямо из реанимации велел передать, что ваш грохот вытряс из него всю душу и заставил заново почувствовать вкус к жизни!

— Чего-чего? — вылупился на него Джеймс.

— В общем, у моей семьи есть собственный рок-клуб. Не хотите у нас сыграть?